

С. Л. Фирсов

Мифологическое восприятие прошлого: историческая наука в контексте легенд и мифов

УДК 930.1

DOI 10.47132/1814-5574_2023_4_159

EDN QNZMJK

Аннотация: Статья посвящена анализу феномену мифологического восприятия прошлого. По мнению автора, в последние десятилетия стремление «переписать историю» стало серьезной проблемой, с которой сталкиваются профессиональные исследователи, часто вынужденные опровергать заведомо абсурдные построения современных «реконструкторов» и мифотворцев. В статье показывается, что «правда» мифотворцев неизбежно вступает в конфликт с «правдой» историков, что приводит к социально-психологическим коллизиям, деформирующим представления о реальных событиях и героях прошедших времён. Автор полагает, что феномен массового сознания включает в себя и деперсонификацию, а как следствие — приводит к варваризации, начинающейся тогда, «когда в старой культуре, за многие столетия поднявшейся до высот ясности и чистоты мышления и познания, это познание начинает завлакиваться магией и фантастикой, поднятыми чадной волной ярых инстинктов и страстей».

Ключевые слова: миф, история, культура, маргинализация, массовое сознание, память, психология, понятие игры в истории, историческая реконструкция, истина и ложь в истории.

Об авторе: **Сергей Львович Фирсов**

Доктор исторических наук, профессор кафедры церковной истории СПбДА, профессор кафедры истории религии и теологии РГПУ имени А. И. Герцена.

E-mail: sfirsoff@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2542-4489>

Для цитирования: Фирсов С. Л. Мифологическое восприятие прошлого: историческая наука в контексте легенд и мифов // Христианское чтение. 2023. № 4. С. 159–170.

Статья поступила в редакцию 03.02.2023; одобрена после рецензирования 13.03.2023; принята к публикации 10.04.2023.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 4

2023

Sergey L. Firsov

Mythological Perception of the Past:
Historical Science in the Context of Legends and Myths

UDK 930.1

DOI 10.47132/1814-5574_2023_4_159

EDN QNZMJJK

Abstract: The article is dedicated to the analysis of the phenomenon of mythological perception of the past. In recent decades, the desire to “rewrite history” has become a serious problem facing professional researchers who are often forced to refute willfully absurd constructs of contemporary “rebuilders” and mythmakers. It is demonstrated that the “truth” of mythmakers inevitably conflicts with the “truth” of historians, leading to socio-psychological collisions that distort views of real events and heroes of the past. The opinion is expressed that the phenomenon of mass consciousness includes depersonalization that consequently results in barbarization that begins when “in the old culture risen to the heights of clarity and purity of thought and cognition over the centuries, this cognition starts getting clouded by magic and fantasy stirred by the dirty fume wave of fierce instincts and passions”.

Keywords: Myth, history, culture, marginalization, mass consciousness, memory, psychology, concept of play in history, historical reconstruction, truth and falsehood in history.

About the author: **Sergey Lvovich Firsov**

Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of Church History at St. Petersburg Theological Academy, Professor at the Department of History of Religion and Theology at A. I. Herzen Russian State Pedagogical University.

E-mail: sfirsofff@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2542-4489>

For citation: Firsov S. L. Mythological Perception of the Past: Historical Science in the Context of Legends and Myths. *Khristianskoye Chteniye*, 2023, no. 4, pp. 159–170.

The article was submitted 03.02.2023; approved after reviewing 13.03.2023; accepted for publication 10.04.2023.

В 1970 г. выдающийся латиноамериканский писатель Хорхе Луис Борхес выпустил сборник «Сообщение Броуди», в котором был опубликован небольшой рассказ под названием «Евангелие от Марка». Сюжет рассказа незамысловат, хотя философский его смысл трудно переоценить. В рассказе речь идет о том, как 33-летний студент медицинского факультета из Буэнос-Айреса Балтасар Эспиноса, согласившись на предложение двоюродного брата, приехал на каникулы в пригородное имение, где впервые увидел то, на что раньше не обращал внимания. Проживая в имении, он познакомился с семьей управляющего, особо сблизившись с ней после того, как сезонные дожди отрезали имение от ближайших местностей. Борхес в нескольких словах, ёмко, дает характеристику этого семейства, замечая, что, до тонкостей зная местную жизнь, Гутре (такова была их фамилия) ничего не умели объяснить.

«Однажды вечером Эспиноса спросил, помнят ли в этих местах о набегах индейцев в те годы, когда в Хинине еще стоял пограничный гарнизон. Они отвечали, что помнят, хотя сказали бы то же самое, спроси он о казни Карла Первого. Эспиносе пришли на ум слова отца, который обыкновенно говаривал, что большинством деревенских рассказов о стародавних временах мы обязаны плохой памяти и смутному понятию о датах» [Борхес, 1992, 284].

Пытаясь чем-то себя занять, Эспиноса в конце концов нашел в доме Библию на английском языке. К Священному Писанию, в конце, была приложена история семейства Гутре, поселившегося в Новом Свете в начале XIX в. и смешавшего свою кровь с индейской. К 1870-м гг., на которых обрывалась семейная хроника, Гутре разучились писать. В Бога они не верили. Эспиноса, сам выросший в семье, где мать отличалась глубокой религиозностью, а отец не скрывал своего атеизма, тем не менее решил прочитать Гутре Евангелие от Марка. Чтение произвело на семейство колоссальное впечатление, особенно утверждения Эспиносы о том, что Христос принял смерть ради спасения рода человеческого. Рассказ завершился тем, что Гутре, предвзвительно испросив у Эспиносы благословения, далее стали осыпать его бранью, плевать в лицо, выталкивать на задний двор, где из сорванных стропил было сколочено распятие (см. подр.: [Борхес, 1992, 285–287]).

Рассказ Борхеса, являющегося одним из первых писателей XX в., обратившихся к проблематике человеческой памяти, на мой взгляд, интересен по многим причинам. Во-первых, он указал на изначальное несовершенство этой памяти, в которой самым удивительным образом переплетаются реальные события минувшего и то, что может быть отнесено к области предания. Во-вторых, он попытался показать (разумеется, в художественной форме), что получение нового знания («откровения») может привести к соблазну подтвердить его посредством воспроизведения, своеобразной «игры».

Насколько это правомерно, оправданно с исторической точки зрения? Да и корректно ли в данном случае говорить об «игре»?

Не будем спешить с заключениями, вспомнив о том, что «игра есть добровольное действие либо занятие, совершаемое внутри установленных границ места и времени по добровольно принятым, но абсолютно обязательным правилам с целью, заключенной в нем самом, сопровождаемое чувством напряжения и радости, а также сознанием „иного бытия“, нежели „обыденная“ жизнь» [Хейзинга, 1992, 41].

Если согласиться с данным определением игры, то у нас появляется возможность охарактеризовать стремление человека «оформить» свое представление о прошлом в мифе (легенды) как вполне закономерное и естественное. Подобное «оформление» зависит от целого ряда обстоятельств: от знаний, пусть фрагментарных и бессистемных, от мирозерцания (то есть от тех идеалов, которые человек считает для себя важными), от тех традиций, в которых он воспитан. Разумеется, нельзя требовать от большинства понимания «исторических закономерностей», представлений о принципах истории как науки. Но точно так же, получается, от человека нельзя требовать «объективной оценки» прошлого, тем более что определение «объективности» всегда «субъективно», ибо зависит от господствующих в конкретный момент в конкретном обществе норм, правил и ценностных установок. Таким образом, получается,

что и «мифологическое восприятие» прошлого зависит вовсе не от знаний (или их отсутствия), а от идеологических установок.

Но только ли от них?

Думается, что не только. Причину следует искать и в укоренившемся восприятии истории как науки о прошлом. На самом деле подобное восприятие глубоко ошибочно, ибо прошлое *in concreto* не может быть объектом научного исследования точно так же, как всеобъемлющая «наука о вселенной». В обыденном сознании история представляет собой изложение фактов, в хронологическом порядке расположенных, о появлении и развитии государств и обществ, о битвах и договорах, о жизни знаменитых людей, о борьбе династий и бытии религиозных институций и т.п. Однако человеческая память или, лучше сказать, память человечества, не всеохватна. Более того, возможно говорить о ее фрагментарности. И чем дальше «вглубь веков» мы уходим, тем лучше понимаем это. Увы, и профессиональным историкам не всегда возможно из имеющихся в нашем распоряжении «фрагментов прошлого» восстановить целое.

Однако есть и еще одна, не менее важная проблема — проблема «схематизации» истории, ее конструирования в зависимости от определенных социально-политических постулатов. Далеко за примерами идти не приходится, достаточно вспомнить хотя бы «историческую школу» марксиста М. Н. Покровского, считавшего, что суть истории заключается «в развитии, т[о] е[сть] в правильном изменении человеческого общества», ближайшей целью которого является социализм [Покровский, 1933б, 10]. М. Н. Покровский, по учебнику которого учились первые историки Страны Советов в конце 1920-х — 1-й пол. 1930-х гг., был убежден в том, что в исторической науке «специалисту-немарксисту — грош цена» [Покровский, 1933а, 10]. Кстати, М. Н. Покровскому принадлежит (приписывается) и определение истории как политики, опрокинутой в прошлое¹.

Прошло немного времени, и «школа Покровского» была объявлена в СССР «анти-исторической», но по существу ситуация не изменилась. Обществу навязывались выгодные Сталину мифы — об Октябре, о Гражданской войне, о партии большевиков, о врагах народа, о коллективизации и индустриализации... После разоблачения культа личности мифы корректировались, заменялись отдельные элементы «мифологической конструкции», но сама она продолжала существовать, в свою очередь, рождая «антимифы» — неофициальную мифологию той эпохи.

В данном случае следует обратить внимание вовсе не на направленность как советских мифов, так и противостоявших им «антимифов», а на то, что «мифологическая конструкция» была востребована государством и оправдывалась (равно как и опровергалась) именно с помощью идеологии. Значит ли это, что миф (по крайней мере, миф политический), замещающий/подменяющий «реальную историю», есть результат «идеологизации прошлого», не важно — давнего или совсем недавнего?

Выше уже был поднят вопрос о зависимости «мифологического восприятия» от идеологических установок, и, в ответе на него, указывалось, что подобная зависимость как минимум не может быть полной. Многое зависит от того, как определяется круг действительно исторических тем, как определяется история и на что обращается приоритетное внимание теми, кто профессионально занимается исследованием

¹ На самом деле М. Н. Покровский говорил не совсем так. Характеризуя «дворянско-буржуазную историографию», он писал: «Все эти Чичерины, Кавелины, Ключевские, Чупровы, Петражицкие, все они непосредственно отразили определенную классовую борьбу, происходившую в течение XIX столетия в России, и, как я в одном месте выразился, история, писавшаяся этими господами, ничего иного, кроме политики, опрокинутой в прошлое, не представляет (выделено мной. — С. Ф.)» [Покровский, 1928, 5–6]. Как видим, М. Н. Покровскому приписывается то, что он как раз и отрицал, критикуя своих коллег-историков, стоявших на «немарксистских» позициях (причем ко времени произнесения доклада здравствовал только один ученый — социолог Л. И. Петражицкий, остальные скончались задолго до октября 1917 г.). Однако миф о том, что именно М. Н. Покровский дал такое определение истории, прижился и до сего дня благополучно существует в массовом сознании.

прошлого. В конце концов, не является тайной то обстоятельство, что каждое поколение пишет «свою историю», по-своему расставляя акценты и по-своему интерпретируя, перепроверяя «факты прошлого». Историк живет и работает в определенном времени, которое оказывает влияние на ход его профессиональной деятельности. Абстрагироваться от «своего времени» нельзя, оно неизбежно влияет на восприятие прошлого, без знания которого, как считается, затруднительно понять и день сегодняшней.

Но возможно ли это знание? Возможно ли чаемое еще Г.-В. Лейбницем получение от истории такого благодеяния, как определение истоков «современных явлений, найденных в явлениях прошлого», поскольку «действительность может быть лучше всего понята по ее причинам» (цит. по: [Блок, 1986, 23])?

Вопрос безответен и по сей день. Но век XX все-таки позволил более четко определиться с тем, в чем заключается суть истории, в чем ее главное предназначение. Ее предназначение — изучать не вещи и явления, а человека. История — не наука об исторических фактах, хотя, быть может, и станет ею. Главное, о чем не следует забывать, — это о том, что «человек не помнит прошлого — он постоянно воссоздает его». По словам крупного французского интеллектуала Люсьена Фёвра, постоянное воссоздание прошлого «касается и такой абстракции, как отдельный человек, и такой реальности, как человек, являющийся членом общества. Он не хранит прошлого в своей памяти подобно тому, как северные ледники тысячелетиями хранят в своей толще замерзших мамонтов. Он исходит из настоящего — и только сквозь его призму познаёт и истолковывает прошлое». К тому же человечество инстинктивно защищается «против чудовищной массы отживших фактов, идей, обычаев. Наполнить саму традицию современным содержанием — вот первый способ борьбы с ней. Не такой, разумеется, реакцией должна быть реакция объективной исторической науки» [Фёвр, 1991, 21–22].

Не будем рассуждать об «объективной исторической науке». Она существует лишь в теории (иначе историю не переписывали бы от поколения к поколению, а лишь дополняли бы и изменяли в соответствии с новыми материалами, ранее исследователям неизвестными). Обратим внимание на тезис об «инстинктивной защите» человечества. Действительно, людям свойственно забывать прошлое, свойственно «переформатировать» его, порой изменяя той исторической правде, которая была установлена ранее. К тому же «удовольствие от подлинности» есть удел узкого круга профессионалов, умеющих отличить истинные свидетельства минувшего от временных наслоений, превращающих это прошлое в легенду и рождающих в массовом сознании миф. Это не хорошо и не плохо. Это — данность, поскольку прошлое неизменно трансформируется в сознание, причем в зависимости от того, чем сознание занято «здесь и сейчас».

С течением времени, особенно при смене парадигм мышления, вызванной глобальными социокультурными и политическими пертурбациями, деформируется и так называемая коллективная память, порой принимая ложную информацию о прошлом за истину. Не секрет, что коллективная память может формироваться вокруг ложной информации о прошлом. Кроме того, необходимо отметить, что часто ошибаются и очевидцы. Как заметил американский библеист профессор Барт Дэнтон Эрман, **«нам сложно отличить то, чему мы и впрямь были свидетелями, от того, что должно было быть согласно здравому смыслу. <...> Люди чего только не помнят, и подчас детально, хотя это реально и не происходило».** Автор соглашается с когнитивным психологом Сьюзан Клэнси, полагающей, что «„возможность“, будучи внедрена в сознание, становится „памятью“, которая создает собственную реальность» [Эрман, 2018, 115, 116].

Не вдаваясь в теоретические споры о внедрении «возможности» в сознание, отметим лишь одно: людям свойственно создавать «собственную реальность», включая в нее и «память о прошлом», не имеющую порой даже отдаленного сопряжения с историческими знаниями. Эта память самодостаточна, поскольку позволяет человеку найти свою «зону комфорта» в прошлом, связывая с прошлым (с «историей») собственные идеалы о добре и зле, о справедливости и несправедливости, о социальной

правде и социальном обмане. Короче говоря, память позволяет человеку признавать только те факты, которые укрепляют его идентичность как гражданина конкретной страны, как верующего, относящегося к конкретной конфессии/деноминации, наконец, как сопричастного (через историю) «субъекта настоящего».

Здесь мы выходим на вопрос о массовом сознании и о том, насколько и почему оно восприимчиво к разного рода мифам. Если в доиндустриальную эпоху мифология для большинства была естественной и единственной возможностью объяснять окружающий мир, жестко не разделяя прошлое и настоящее, то в XX в. ситуация кардинально изменилась. Тогда-то, собственно говоря, и обозначился феномен, носящий название массового сознания как сознания шаблонного и деперсонализированного, формирующегося под воздействием средств массовой информации и стереотипов массовой культуры. Для массового сознания, имеющего весьма слабое отношение к религии, перестали быть актуальными господствовавшие в эпоху Средневековья (в том числе и русского) два типа сознания — «историческое» и «космогоническое».

Историческое сознание, как известно, соответствовало представлению о линейном времени, космогоническое же — представлению о циклическом времени, предполагая, что с течением времени повторяется один и тот же онтологически заданный текст. Иначе говоря, согласно космогоническим представлениям время повторяется в виде формы, в которую облакаются судьбы отдельных людей и образы. Историческое сознание предполагает, что всё развивается, идет процесс эволюции, в результате которого возникают принципиально новые состояния. По словам отечественного ученого Б. А. Успенского, «в жизни человека или коллектива могут одновременно присутствовать обе модели, когда актуализируется то один, то другой принцип восприятия: одни и те же события могут соотноситься как с космогоническим, так и с историческим процессом» [Успенский, 2002, 90].

Но современное восприятие прошлого массовым сознанием вряд ли может оцениваться исходя из наличия названных моделей. Современный «исторический миф» построен на ином фундаменте; в его основе — эклектика, соединение по сути несоединимого: разрозненных, фрагментарных знаний, полученных в процессе обучения (преимущественно школьного), дилетантски усвоенных идеологом/представлений о прошлом и социальных стереотипов. Конечно, вера в миф предполагает наличие определенной позиции, наличие определенных убеждений и веры в их истинность. Миф может породить у человека уверенность в правильном понимании того, что красиво называется «философией истории» (даже если человек и не оперирует сим наукообразным понятием).

История Советской России/СССР дает нам яркий пример того, как может складываться политический миф, как он может влиять на массовое сознание, заставляя большинство верить в факты, которых не было, в конечную победу идеалов, в принципе нереализуемых в сём грешном мире, в праведность героев и вождей, биографии которых на самом деле фальсифицированы. Политический миф, таким образом, может подменить собой историю, при этом не выдавая себя, «драпируясь» под «объективную науку» (тем более что история во многом наука интерпретационная, в которой многое зависит от концептуального клея, которым скрепляются факты). Не в последнюю очередь и поэтому человеку, получающему исторические знания (даже в высшем учебном заведении), в большинстве случаев трудно понять смысл истории и свое место в ней.

Как следует это оценивать?

Вероятно, как норму. И удивляться данному обстоятельству не следует. Люди обычно живут сегодняшним днем, лишь мечтая о будущем, лучшем времени. «Вездесущий» миф им в этом помогает, начинаясь там, где кончается смысл. А ведь, как писал французский философ Р. Барт, «мифу свойственно превращать смысл в форму», миф «всегда представляет собой похищение языка». Ничего не скрывая и ничего не демонстрируя, миф — деформирует; «его тактика — не правда и не ложь, а отклонение» [Барт, 2004, 248, 255, 257].

Политический миф, будучи, в отличие от «священного», инструментом идеологии, активно использовался в сталинском СССР, где превращение непритязательной «были» в лучезарную «сказку» объявлялось государственной задачей, главной целью жизни всех сознательных граждан. Понимая это, можно согласиться с Р. Бартом, полагавшим, что миф не обязательно должен иметь форму словесного сообщения, что любая принятая в обществе процедура, любой продукт человеческой деятельности может стать мифом (поскольку он используется в качестве сигнала, наделенного неким значением). Миф, таким образом, может определяться не содержанием, а способом подачи. При этом, не воспринимая миф как рассказ, Р. Барт полагал, что он может доноситься при помощи любого образа, объекта и словесного сообщения. Модель, предложенная философом, конечно, не истина в последней инстанции, но в любом случае она помогает разобраться в процессе передачи идеологических деклараций при помощи зрительных образов (см. подр.: [Флад, 2004, 144–148]). Любопытно отметить, что Р. Барт полагал: лучшее, возможно, оружие против мифа — мифологизация его самого, создание *искусственного мифа*; «такой реконструированный миф как раз и оказался бы истинной мифологией» [Барт, 2004, 262].

Оставим философам право «мифологизировать миф» и признаемся откровенно в том, что победить его в принципе невозможно. В условиях постиндустриального общества, как мы видим, можно говорить лишь о «замещении» одного социального мифа другим. Миф, как и прежде, влияет на восприятие истории, которая в глазах большинства есть повествование о прежде бывших событиях, «о царях и героях», о ранее «скрывавшихся» тайнах прошлого. Профессиональные историки для большинства — не авторитеты и не могут ими быть, ибо, как правило, не могут и/или не умеют выступать в роли «сказителей». Исключения в данном случае лишь подтверждают правило. Конечно, у разных групп интересующихся историей разные «сказители», пытающиеся передать понятое ими «откровение» *Urbi et Orbi*. И рассказы эти разные.

Обратимся к примерам. Еще в начале 1980-х гг. в научно-популярных журналах Советского Союза стали публиковаться статьи доктора физико-математических наук, специалиста по топологии Анатолия Тимофеевича Фоменко, в которых он пытался доказать, что традиционная историческая хронология в принципе неверна. Спустя годы «открытие» А. Т. Фоменко приобрело название — «новая хронология». Сразу следует признать, это «новая хронология» — не открытие учёного, в 1994 г., кстати сказать, избранного академиком РАН, а продолжение изысканий его предшественников: народовольца и одного из теоретиков терроризма, а затем почетного академика АН СССР Н. А. Морозова и его последователя математика проф. М. М. Постникова. Именно Морозов, коротая время в Шлиссельбургской крепости, сочинил семитомник «Христос» и работу «Откровение в грозе и буре». В этих работах будущий почетный академик впервые и заявил: никакой античности не было, ее выдумали в эпоху Ренессанса.

Идеи Морозова в 1960-е гг. подхватил М. М. Постников, став их добровольным популяризатором. Психологически понять профессора можно: фрондирующая советская интеллигенция, пережившая разоблачения культа личности и замену «Краткого курса истории ВКП (б)» новой «Историей КПСС», признавая за «откровения» суждения М. М. Постникова, тем самым демонстрировала свое неверие в очередную интерпретацию советской истории и в новые идеологические установки советских вождей. Логика «стерильного дилетанта» от истории М. М. Постникова была до убогости проста: до нас не могли дойти рукописи античности, они слишком древние. Математику указали на несурзность его тезисов, и он обиделся.

Однако на смену ему пришел новый ниспровергатель, тоже математик — упоминавшийся выше А. Т. Фоменко. Как и его предшественник, он отказывался понять (или принять) то, что методология математики не имеет ничего общего с методологией истории, у которой, увы, нет жесткого теоретического каркаса (например, базовой аксиоматики). Более всего А. Т. Фоменко пленили «династические параллелизмы», «открытые» большим воображением Н. А. Морозова. Найдя идейных соавторов (прежде всего Г. В. Носовского), начиная с времен перестройки А. Т. Фоменко

стал публиковать многочисленные работы по «новой хронологии». Свою хронологию академик привязал к истории Древнего Рима, считая возможным учитывать несовпадение вычисленных по данным небесной механики и взятых из исторических текстов дат солнечных затмений. Обнаружив без особого труда несовпадения, он считал возможным отвергать привязываемую к ним цепь исторических событий. А. Т. Фоменко пытались указывать, что можно говорить лишь о совпадении или несовпадении астрономических и исторических дат, а не об отвержении последних (тем более что древние о звездной механике ничего не знали, датируя исторические события «филологически», точно и обоснованно зная, что предшествовало этому событию и какое событие за этим следовало), но все было бесполезно. А. Т. Фоменко с соавторами только до 2000 г. выпустили 18 объемных томов (некоторые в двух книгах), причем и в серьезных издательствах — «Наука» и в Издательстве Московского университета!

Что же установил академик-новатор?

То, что почти все даты древней истории «намного моложе», чем ранее считалось, зачастую более чем на 1000 лет. Иисус Христос, по А. Т. Фоменко, это папа Римский Григорий VII, а новую эру следует начинать с 1053 г. Иисус Навин, Гай Юлий Цезарь, Карл Великий — это одно лицо, гомеровская Троя — это итальянский Неаполь, а река Иордан — река По. Теперь о Руси: она возникла в XIV в., она же Орда, она же Монголия. Хан Батый и Иван Калита — одно лицо, Чингисхан — это князь Георгий Данилович, брат Ивана Калиты. Иван Грозный был не один, на самом деле их было пять. Кстати сказать, и Куликовская битва была на территории будущей Москвы, основанной в 1382 г. В XV в. случился религиозный раскол, приведший к возникновению всех ныне существующих религий. В XVI в. начинается гражданская война внутри Руси-Орды; Запад свергает ордынскую династию и сажает на престол Романовых. И в итоге откалывается Китай (а до того и он входил в состав «нашего государства»). Никаких берестяных грамот не было — их сфальсифицировал Петр Первый. Как видим, никакой античности не было и в помине, все придумали фальсификаторы в позднейшее время: и сочинения древних, и античную науку, и древние языки. Они же соорудили памятники и отчеканили монеты (см. подр.: [Романовский, 2004, 274–276 и др.]).

Занимавшийся изучением «фоменковщины» петербургский ученый, доктор геолого-минералогических наук С. И. Романовский полагал, что единственно верная тональность в общении с А. Т. Фоменко и его героями — это ирония, сарказм, откровенная издевка. «Например такая: чтоб тебе жить по новой хронологии. Тогда не Фоменко, а скажем, Усама Бен ладен или Мата Хари, а скорее тебя и вовсе нет, ибо проглотил тебя исторический параллелизм цепочки Постникова, а того всосала цепь Морозова. А нынешние студенты-историки уже решат: кто выдумал Морозова да зачем-то еще в крепость его посадил» [Романовский, 2004, 293].

Как мне представляется, «отделяться» издевкой контрпродуктивно, ибо «новая хронология» есть своеобразный «миф для интеллигенции», точнее сказать — для тех, кто хочет в него верить. О корнях и причинах появления подобной «веры» рассуждать затруднительно, но то, что среди тех, кто представил первую работу А. Т. Фоменко по «новой хронологии» в «Доклады АН СССР», был академик Е. П. Велихов — показательно. Среди почитателей А. Т. Фоменко были: специалист по математической логике философ А. А. Зиновьев (называл его «гением»), шахматист Г. К. Каспаров, математик академик С. М. Никольский. Все-таки вера в миф, который принимается за истину, никак не зависит от интеллектуального уровня поддерживающих его (или симпатизирующих ему) адептов. Переубедить убежденных не получается, ибо они, познав «историческую истину», не только не хотят, но и психологически не могут слушать, адекватно воспринимая аргументы профессиональных исследователей прошлого.

Впрочем, «новая хронология» — это антиисторический миф, усвоить который могут единицы: слишком много в нем наукообразия. К тому же авторитет А. Т. Фоменко как крупного математика также нельзя не учитывать: в своей области он выдающийся специалист. Значительно большее влияние на сознание неискушенных в истории людей (по крайней мере, в России) имеют те, кто в доступной, доходящей

до вульгарности форме рассказывают об исключительной древности «страны русов», пытаясь тем самым намного «удлинить» отечественную историю. В качестве примера вспомним о В. М. Кандыбе, которого его почитатели называют признанным гением мировой нетрадиционной медицины, астрологом, психологом, историком, культурологом, экстрасенсом, телепатом, академиком, писателем, блогером и коуч-тренером [Кандыба: биография]. Он аттестуется как автор 120 книг, в том числе и по истории русского народа «до новой эры». Разбирать его художества бессмысленно, достаточно указать на одну из «базовых» работ самопровозглашенного академика — «История русской империи», ознакомившись с которой, даже неискушенный, но имеющий зачатки критического мышления читатель поймет фразу о том, что может родить сон разума (см.: [Кандыба, 1997]).

Какова же цель В. М. Кандыбы, в чем он хочет убедить своих слушателей?

Он хочет убедить их в том, что «история русов» до христианизации «умышленно замалчивается», а причиной такого отношения к истории «является 1000-летняя узурпация христианами древнерусской Ведической духовной традиции, ведущей свое начало от признанной большинством историков, единой для всех индоевропейских народов, прародины в Передней Азии», что история русов есть «история всей цивилизации, здесь все решалось и здесь все будет решаться», что «русские общепризнанный самый древний духовный и интеллектуальный лидер человечества». Более того, русский этнос, оказывается, окончательно оформился 40 тыс. лет назад: приручили животных, одомашнили растения, положили начало скотоводству и земледелию. К тридцатому тысячелетию на западном побережье Европы стали возникать крупные русские поселения, а огромное море к северу получило название (очевидно, тогда же) «Русское море». Поток мысли В. М. Кандыбы завораживает: «Заселившие Галицию (Русские горы, ныне Карпаты) русы постепенно расселились от Дона до окраин Европы. Когда с территории Галиции произошел первый выселок на Запад то эти выселенцы были названы „галлами“, а затем „кельтами“. Ушедшие же обратно на юг именовались „галилеянами“» (см.: [Краткая история русского народа]).

На этом, пожалуй, можно и остановиться. Диагноз автору ставить не берусь, но его таланту сказочника отдать должное необходимо. Как видим, мифы рождаются и в наше время, находя поддержку среди «страждущих по исторической правде» современников. Игра с прошлым — одна из наиболее востребованных и популярных ныне, она есть выход из рамок «обыденности» в мир, где тебе объясняют, по возможности доходчиво, «истинное» твое предназначение, дают новое направление интеллектуального движения (конечно, если слово «интеллект» уместно употребить в данном контексте), изолируют от «профанов», все еще живущих с неполным/неистинным знанием...

Если вспомнить, что игра есть порядок, а нарушение ее правил приводит к разрушению всего здания игры, то можно сказать: «познавшие истину» нового — подлинного — исторического «знания» вольно или невольно становятся заложниками антиисторических представлений, со всеми отсюда вытекающими последствиями. Среди этих последствий деформация представлений о том, что есть подлинная культура — одно из самых опасных. Борьба с историей посредством создания и/или пропаганды «альтернативной истории», разумеется, не нова, но от этого не становится показателем серьезной социальной болезни — аберрации базовых представлений о том, что есть смысл человеческой жизни, в чем заключен ее идеал. Изучение прошлого, которое ставит больше вопросов, чем дает ответов, подменяется некритически усвоенным псевдознанием. Некритическое восприятие сенсационных «истин» есть одна из главных болезней современной эпохи, когда популяризатор исторического знания, сам не прошедший серьезной школы, становится безусловным авторитетом для многих «любителей» этих знаний.

В качестве примера можно привести «исторические рассказы» покойного сатирика М. Н. Задорнова. Просвещая многочисленную аудиторию своих слушателей и зрителей, М. Н. Задорнов, известный как автор любительских гипотез в области

этимологии русских слов и истории славян, как и В. М. Кандыба, любил говорить об исключительной древности славянской цивилизации, называя себя «язычником эры Водолея». Он разделял мнение о великой русской цивилизации, существовавшей до Рюрика, считал подлинной «Велесову книгу», подчеркивая, что «мыслящий человек» произошел из Сибири.

Пытаясь «удревнить» и «ославянить» отечественную историю, М. Н. Задорнов утверждал, что Рюрик был западным (полабским) славянином, родственником легендарного Гостомысла; что после смерти Рюрика Олег мирно объединил всех восточных славян, избавив их от гнета Хазарского каганата; что за 6000 лет до нашей эры в Триполье были города, где проживало по 20 тысяч человек. О филологических изысках сатирика может быть отдельный разговор, но принципиальнее отметить иное: убежденность М. Н. Задорнова в том, что в славянском (или «праславянском»?) алфавите заключен сакральный смысл, которого не найти в алфавите латинском. Свои представления об истории и о русском языке М. Н. Задорнов свел в книгу, изданную за год до его кончины [Задорнов, 2016].

Разумеется, сатирик — не историк и не лингвист, но, волею обстоятельств, он оказался одним из наиболее успешных мифотворцев России. Его концерты (в записи) и по сей день слушают миллионы, получая превратное представление о прошлом. Из его выступлений эти миллионы узнают, что земля в древности называлась «ар», почему, собственно, и появилось слово «арии», что Урал — страна солнца (У-ра-л), а слово «Ар-истократ» означает «арий в стократном поколении», «З-ар-я» — это то, что за землей, а «ц-ар-ь» — «це арий». Кстати, и ведьма — весьма интересный персонаж. Она лечила людей, учила их своду знаний, называемом «ведами». Наконец-то русские люди благодаря М. Н. Задорнову поняли, и что значит слово «Ра». Оказывается, у наших предков слово это означало «свет, связывающий Творца с его творениями». От этого-то «пошли слова, которые мы используем по сей день: радость — что буквально означает «достать до божественного света», к-ра-сота (стремление к свету), э-ра, ра-й, х-ра-м, ра-зум (просветленный ум). Есть просто ум, а есть разум. Умный многое знает, а разумный — понимает то, что он знает. «Ра-душный» — светлой души человек» [Задорнов об истинной истории Руси].

Список современных мифотворцев, сочиняющих альтернативную русскую историю, можно продолжить и далее, но, полагаю, приведенных примеров достаточно, чтобы понять: миф самым серьезным образом влияет на историю, замещая в глазах неискушенных любителей прошлого историю как научную дисциплину той или иной сказкой. Очевидно, что миф — производное не от знания прошлого, а от его интерпретации (порой с запредельными дополнениями и исправлениями). Пытаться противостоять мифу трудно, тем более что заинтересованность в подобном рода «невинном обмане» с годами не ослабевает, только мутируя в соответствии со «злостью дня».

Не будем обманываться: мифотворчество существовало во все времена, часто выступая и в качестве «болеутоляющего средства», помогающего преодолеть ностальгию по утраченному прошлому. Невозможность восстановить это «утраченное» во всем прежнем великолепии заставляет некоторых мифотворцев обратиться к реконструкции прошедшего времени, правдиво, как они полагают, описать «дела давно минувших дней». Для подобных реконструкторов очевидно, что день сегодняшний есть доказательство «упадка» и «деградации». Утешает лишь надежда на чудо восстановления «утраченной гармонии». Остается только определить ориентиры, при помощи которых возможно выйти на правильный путь и реконструировать потерянное в бурях революций и перестроек прошлое.

Собственно говоря, эти ориентиры (равно как метод их определения) позволяют нам разобраться в том, насколько и почему человека можно называть «мифотворцем» (в данном случае имея в виду, что всякий неисторический рассказ, выдаваемый с корыстной целью и бездоказательно за истинный, может называться мифом). Такого рода мифотворцы, как правило, — маргиналы, живущие и творящие вне связей с профессиональными историками и социологами. Маргинал чаще всего тем и отличается

от «рядового гражданина», что имеет нетрадиционный (нетипичный) взгляд на социальные нормы своего общества, а порой даже убежден, что знает (как ему кажется), каким образом возможно утвердить свой ценностный стандарт и тем самым спасти страну или «охранить от поругания» истину. Прошлое в таком случае служит оружием, с его помощью стремятся не найти «историческую правду» — ради пресловутой объективности, а доказать очевидные для маргинала представления, проиллюстрировать их. Этим фактом история обрекается на роль заложницы мифа, в свою очередь, призванного оказывать воздействие на массовое (по возможности) сознание.

Мифотворчество лежит в основе любых реконструкций. На фоне глобальных профанаций нашего времени (достаточно вспомнить упоминавшуюся выше «историческую» концепцию академика А. Т. Фоменко) стремление создать по-своему «правдивую» историю России не воспринимается как серьезный криминал. А между тем создание исторически заданных, хрестоматийно правильных, но исторически недостоверных картин опасно прежде всего с религиозной точки зрения, ибо приучает человека воспринимать мир в мифологических категориях, не задумываясь над тем, насколько и как это может вредить и авторитету Церкви, и его, человека, собственной вере. Старое, столь любимое большевиками правило деления мира на врагов и друзей, как ни странно, находит себе применение при обращении маргинала к истории.

О том, что есть «религиозное мифотворчество», мне приходилось неоднократно писать (см., напр.: [Фирсов, 2011, 183–461]), поэтому специально разбирать его я не буду. Отмечу только факт существования в современной России весьма активных «православных мифотворцев», существующих в большинстве случаев автономно от мифотворцев «светских». Однако и те и другие — истовые и, в большинстве случаев, искренние борцы за «историческую правду» (или «правду истории»), бесстрашно вступающие в конфликт с теми, кто, профессионально исследуя прошлое, отказывается признать их правоту и, более того, критикует и высмеивает их. «Правда» мифотворцев неизбежно вступает в конфликт с «правдой» историков.

Что же в таком случае делать? Неужели понимание (либо попытка понимания) прошлого есть удел только тех, кто профессионально занимается изучением былого, облекая свои думы в академические одежды?

Вопрос безответен. Школьное ознакомление с историей, конечно, не может и не должно быть «аналитическим». Во время обучения школьник узнает лишь основные факты в их хронологической последовательности, знакомясь с ними по учебникам, адаптированным к определенному возрасту. Понятно, что учебники пишут историки, которые имеют собственный взгляд на прошлое, собственное видение минувших событий. Но даже если создать комплекс *унифицированных учебников*, подчиненных некоей единой идеологической цели, вряд ли возможно будет надеяться на то, что это поможет преодолению исторических мифов (или мифов об истории) как таковых. Наоборот, из опыта недавнего (советского) прошлого известно: унификация исторического знания не только заставляет прибегать к мифу, но это и та почва, на которой лучше всего восходят семена мифов.

Не будем забывать и еще одно обстоятельство, на которое уже обращалось внимание: феномен массового сознания, включающий в себя и деперсонификацию, а как следствие — и варваризацию. Еще в 1-й пол. XX в., до Второй мировой войны, выдающийся нидерландский мыслитель Йохан Хёйзинга, считавший, что история — духовная форма, в которой культура отдает себе отчет о своем прошлом, отмечал: «утрата стиля эпохи — стержень всей культурной проблемы» [Хёйзинга: *В тени завтрашнего дня*, 1992, 347]².

² При этом с горечью философ отмечал, что «немедленная гласность, подстрекаемая меркантильным интересом и погоней за сенсацией, раздувает простое несходство мнений до масштабов общенационального бреда. Идеи дня требуют сиюминутной реализации. Между тем великие идеи утверждаются в этой жизни всегда очень медленно. Над всем миром висит облако словесного мусора <...>» [Хёйзинга: *В тени завтрашнего дня*, 1992, 349].

«Варварство может идти в ногу с высоким техническим совершенством, — подчеркивал Й. Хёйзинга, — оно может идти в ногу со всеобщим и повсеместным школьным обучением. Судить о повышении культуры по снижению безграмотности — это устаревшая наивность. <...> Аморфной полукультурной массе все больше недостает спасительных тормозов уважения к традиции, форме и культуре. <...>

Варваризация начинается тогда, когда в старой культуре, за многие столетия поднявшейся до высот ясности и чистоты мышления и познания, это познание начинает завлакиваться магией и фантастикой, поднятыми чадной волной ярких инстинктов и страстей. Вот когда миф теснит логос!» [Хёйзинга: *В тени завтрашнего дня*, 1992, 352–353].

Источники и литература

1. Барт (2004) — *Барт Р.* Мифологии. М., 2004.
2. Блок (1986) — *Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М., 1986.
3. Борхес (1992) — *Борхес Х. Л.* Письмена Бога. М., 1992.
4. Задорнов (2016) — *Задорнов М.* Вся правда о России. Живой журнал. М., 2016.
5. Задорнов об истинной истории Руси — Михаил Задорнов об истинной истории Руси и волшебном русском языке. URL: <https://artsgtu.ru/blog/mihail-zadornov-ob-istinnoj-istorii-rusi/> (дата обращения: 16.09.2023).
6. Кандыба (1997) — *Кандыба В.* История русской империи. М., 1997.
7. Кандыба: биография — Кандыба Виктор Михайлович: биография, деятельность, фото. URL: <https://yandex.ru/turbo/fb.ru/s/article/463067/kandyba-viktor-mihaylovich-biografiya-deyatelnost-foto/> (дата обращения: 16.09.2023).
8. Краткая история русского народа. — Краткая история русского народа. (По В. М. Кандыбе). URL: https://bookap.info/gypno/kandyba_taynye_vozmozhnosti_cheloveka/gl65.shtm (дата обращения: 16.09.2023).
9. Покровский (1928) — *Покровский М. Н.* Общественные науки в СССР за 10 лет // Вестник коммунистической академии. 1928. № XXVI. (2).
10. Покровский (1933а) — *Покровский М. Н.* Классовая борьба и «идеологический фронт» // *Покровский М. Н.* Историческая наука и борьба классов (Историографические очерки, критические статьи и заметки). М.; Л., 1933. Вып. 2.
11. Покровский (1933б) — *Покровский М. Н.* Русская история в самом сжатом очерке. М., 1933.
12. Романовский (2004) — *Романовский С. И.* «Притащенная» наука. СПб., 2004.
13. Успенский (2002) — *Успенский Б. А.* Восприятие истории в Древней Руси и доктрина «Москва — Третий Рим» // *Успенский Б.* Этюды о русской истории. СПб., 2002.
14. Фёвр (1991) — *Фёвр Л.* Суд совести истории и историка // *Фёвр Л.* Бои за историю. М., 1991.
15. Фирсов (2011) — *Фирсов С.* На весах веры. От коммунистической религии к новым «святым» посткоммунистической России. СПб., 2011.
16. Флад (2004) — *Флад К.* Политический миф. Теоретическое исследование. М., 2004.
17. Хёйзинга (1992) — *Хёйзинга Й.* Homo Ludens. Опыт определения игрового элемента культуры. М., 1992.
18. Хёйзинга: *В тени завтрашнего дня* (1992) — *Хёйзинга Й.* В тени завтрашнего дня. Диагноз духовного недуга нашей эпохи // *Хёйзинга Й.* Homo Ludens. Опыт определения игрового элемента культуры. М., 1992.
19. Эрман (2018) — *Эрман Б.* Иисус до Евангелий. Как обрывочные воспоминания нескольких человек превратились в учение о Господе, покорившее мир. М., 2018.